

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

АЛЬБОМ КРЁСТНОГО

Ганс Андерсен
Альбом крёстного

«Public Domain»

1868

Андерсен Г. Х.

Альбом крёстного / Г. Х. Андерсен — «Public Domain»,
1868

«Мастер был крестный рассказывать. Сколько он знал разных историй – длинных, интересных! Умел он также вырезать картинки и даже сам отлично рисовал их. Перед Рождеством он обыкновенно доставал чистую тетрадку и начинал наклеивать в нее картинки, вырезанные из книжек и газет; если же их не хватало для полной иллюстрации задуманного рассказа, он сам пририсовывал новые. Много дарил он мне в детстве таких тетрадок, но самую лучшую получил я в тот «достопамятный год, когда Копенгаген осветился новыми газовыми фонарями вместо прежних ворванных». Это событие и было отмечено на первой же странице...»

© Андерсен Г. Х., 1868

© Public Domain, 1868

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Ганс Христиан Андерсен

Альбом крёстного

Мастер был крестный рассказывать. Сколько он знал разных историй – длинных, интересных! Умел он также вырезать картинки и даже сам отлично рисовал их. Перед Рождеством он обыкновенно доставал чистую тетрадку и начинал наклеивать в нее картинки, вырезанные из книжек и газет; если же их не хватало для полной иллюстрации задуманного рассказа, он сам пририсовывал новые. Много дарил он мне в детстве таких тетрадок, но самую лучшую получил я в тот «достопамятный год, когда Копенгаген осветился новыми газовыми фонарями вместо прежних ворванных». Это событие и было отмечено на первой же странице.

– Этот альбом надо беречь! – говорили мне отец и мать. – Его и вынимать-то следует только в особых случаях.

Но крестный надписал на обложке:

Коль книжку разорвешь – беды еще нет!
Другие похуже творили, мой свет!

Лучше всего было, когда крестный сам показывал альбом, читал стишки и прочее, что в нем попадалось, а к этому еще многое добавлял от себя. Вот тогда-то история становилась настоящей историей!

На первой странице красовалась картинка, вырезанная из «Летучей почты»¹; на ней виднелась «Круглая Башня» и церковь Богоматери; левее этой картинки была наклеена другая, изображавшая старый фонарь с надписью: «Ворвань», а правее – третья, изображавшая новый фонарь с газовыми рожками и надписью: «Газ».

– Это афишка! – говорил крестный. – Она служит введением к истории, которую сейчас расскажу тебе. Из нее можно было бы выкроить хоть целую комедию: *«Ворвань и газ, Или жизнь и приключения Копенгагена»*. Вот только сумеют ли поставить ее? А заглавие хоть куда! Внизу страницы видна еще картинка. Ее не так-то скоро поймешь! Придется пояснить. Это – мертвая лошадь; место ее на последней странице альбома, а она, вишь, забежала вперед! И забежала с целью объявить, что ни начало, ни середина, ни конец альбома никуда не годятся! Она сумела бы сделать куда лучше, если бы вообще умела. Днем – скажу я тебе – она гуляет на привязи по газетным столбцам, вечером же вырывается на волю, подбегает к дверям поэта и ржет, что поэт вот-вот Богу душу отдаст. Но поэт и не думает умирать, если только в нем действительно живая душа. Мертвая лошадь почти всегда очень жалкое существо, которое не может даже разобраться в собственном «я» и добывает себе хлеб насущный только беганием да ржанием. Я уверен, что ей наш альбом совсем не по вкусу, но из этого все-таки еще не следует, что он не стоит хотя бы бумаги, из которой сшит! Так вот тебе первая страница альбома – афишка.

Дело было как раз в тот последний вечер, когда еще горели старые фонари. Город только что обзавелся новыми газовыми, и они сияли так, что старых почти и не видно было.

– Я как раз бродил в этот вечер по улицам! – рассказывал крестный. – Люди разгуливали взад и вперед, сравнивая новое и старое освещение. Народу было много, и вдвое больше ног, чем голов. Ночные сторожа ходили, повесив головы, раздумывая о том, скоро ли и их упразднят, как старые фонари. А те вспоминали далекое прошлое – о будущем они думать

¹ «Kjobenhavns Flyvende Post» – весьма влиятельный в свое время литературный орган, основанный И. А. Гейбергом в 1827 г. – *Примеч. перев.*

не смели. И чего-чего только ни вспоминалось им, какие тихие вечера, темные ночи!.. Я стоял, опершись о фонарный столб; фитиль в фонаре трещал и шипел; я вслушался в его речь. Послушай и ты!

«Мы делали, что могли! Мы отслужили своему времени, светили людям на радость и на горе. Много важных событий мы пережили. Мы служили, так сказать, ночными глазами Копенгагена. Пусть же теперь нас сменят новые светила. Но сколько лет им придется светить и что освещать – скажет лишь время. Правда, они светят поярче нас, стариков, но это и немудрено! У газовых фонарей столько связей, они сильны взаимной поддержкой! От них во все стороны, во все концы идут трубы, по которым к ним притекают силы из города и из-за города! А мы-то, старые фонари, обходимся собственными средствами, не прибегаем за помощью к семейным связям. Мы и наши предки светили Копенгагену с незапамятных времен. А вот теперь пришел нашему горению последний вечер, и мы стоим, так сказать, во второй шеренге, вы заслоняете нас собою, яркие товарищи! Но мы не станем хмуриться или завидовать, нет! Мы весело и добродушно уступим вам свой пост, как старые часовые молодым драбантам, одетым в более блестящий мундир, нежели их. Хотите, мы расскажем вам, что пережил и перевидал наш род, начиная с нашего прапрапрадедушки-фонаря? Расскажем вам всю историю Копенгагена и пожелаем, чтобы вы и ваши потомки до последнего газового фонаря пережили столько же, могли бы поведать о стольких же важных событиях, как мы, когда вы, в свою очередь, будете отставлены от должности. А это рано или поздно случится! Вы должны к этому готовиться. Люди додумаются до еще более яркого освещения. Я даже слышал от одного прохожего студента, что уже поговаривают о том, как бы заставить гореть воду морскую!»

И фитиль в фонаре зашипел, словно в ворвань и в самом деле влили воды.

Крестный подумал, подумал и нашел, что старый фонарь блеснул прекрасной идеей – рассказать в этот последний вечер, когда Копенгаген перешел от ворвани к газу, историю города.

– А хорошими идеями надо пользоваться! – сказал крестный. – Я живо отправился домой и сделал для тебя этот альбом, но зашел в нем куда дальше, чем могли фонари. Вот тебе альбом, вот и история:

«Жизнь и приключения Копенгагена»

Начинается она непроглядным мраком – черной страницей; это времена доисторические.

– Теперь перевернем страницу! Видишь картинку? Дикая морская пучина; над ней проносится северо-восточный ветер. Он гонит тяжелые льдины; на них плывут только огромные каменные глыбы, оторвавшиеся от скал Норвегии. Ветер гонит льдины; он хочет показать германским горам образчики северных скал. Ледяная флотилия уже в Зунде, у берегов Зеландии, где ныне расположен Копенгаген, но тогда о нем еще и помину не было. Под водой шли обширные мели; на одну-то из них и сели несколько льдин с каменными глыбами. Застряла и вся ледяная флотилия; ветер никак не мог двинуть ее дальше, расвирипел до последней степени и принялся проклинать эту «воровскую мель». Он клялся, что если только она когда-либо подымется над поверхностью морской, на ней поселятся воры и разбойники, воздвигнутся виселицы, колеса и дыбы.

Но в то время как он клялся и бранился, выглянуло солнышко, а на его лучах качались светлые, кроткие духи, дети света. Они закружились над льдинами воздушным хороводом, те растаяли, и каменные глыбы погрузились на дно.

«Ах вы, солнечные козьявки! – зашумел ветер. – Так-то вы! Это по-товарищески, по-родственному? Припомню же я вам это и оплачу! Проклинаю вас!»

«А мы благословляем! – запели дети света. – Благословляем эту мель! Она будет расти, мы станем охранять ее. На ней воцарятся истина, добро и красота!»

«Фью! Мелите чепуху!» – просвистал ветер.

– Вот об этом-то фонаре не могли рассказать тебе! – заметил крестный. – А я могу, для истории же Копенгагена эти обстоятельства имеют важное значение.

– Теперь перевернем страницу! – продолжал крестный. – Прошли годы; мель высунулась из воды. Взгляни на картинку. На первый же показавшийся из воды камень уселась морская ласточка. Прошли еще годы. Море выбрасывало на мель мертвую рыбу и сухие водоросли; все это гнило, разлагалось и удобряло почву. Скоро на ней появились разные сорта трав и злаков, и мель превратилась в зеленый остров. На него стали высаживаться для единоростов викинги – пролив между островом и Зеландией представлял удобную стоянку для кораблей.

Вот зажгли первую плошку с ворванью; над нею, пожалуй, рыбаки жарили рыбу, а ее здесь было вдоволь. Сельди шли через Зунд такими стаями, что сквозь них не пробиться было лодке. Под водой, казалось, вспыхивали зарницы, зажигались снопы северного сияния! Обилён был рыбой Зунд, и по берегам Зеландии быстро вырастали рыбацкие поселки. Стены домов были бревенчатые, а кровли крыты древесной корой; в лесе для построек недостатка тут не было. В гавань заходили корабли. На колеблющихся снастях покачивался фонарь с ворванью. А северо-восточный ветер шумел и гудел: «У-у-у!» Если же мерцал огонек на острове, то это был воровской огонек. При свете его обделывали свои дела воры и контрабандисты.

«Сбудется, сбудется по-моему! – шумел ветер. – Скоро тут вырастет дерево, с которого я буду стряхивать плоды!»

– Вот оно, это дерево! – прибавил крестный. – Видишь виселицы на Воровском острове? На ней висят разбойники и грабители, точь-в-точь как висели тогда. Ветер постукивал остовы мертвецов один о другой, а месяц освещал их с такой же довольной миной, с какой освещает теперь какую-нибудь пирушку в лесу. Солнце тоже самодовольно светило на них и высушивало качающиеся остовы. Дети же света пели: «Знаем, знаем все! Здесь все-таки настанут лучшие времена! Пышно расцветут здесь истина, добро и красота!..»

«Чешите, чешите языки попусту!» – ревел ветер.

– Теперь опять перевернем страницу.

В Роскильде звонят в колокола; там живет епископ Абсалон. Он и в Библии начитан, и мечом владеет. Сильна его власть, силен он и волею. И вот он хочет защитить от разбойничьих набегов и грабежей тружеников-рыбаков, возведших город, основавших на Зеландском берегу торговый рынок. Сначала он освящает Воровской остров, кропит его святой водой, затем там воздвигается по его приказу крепость. Каменщики и плотники работали в поте лица, а солнечные лучи целовали воздвигавшиеся красные кирпичные стены.

Наконец Акселев² дом готов:

С башнями высокими,
Крыльцами широкими
Замок стоит!
Ветер шумит,
Мечет и рвет,

² Датское имя епископа Абсалона. – *Примеч. перев.*

Грозно ревет!
Силы лишь тратит,
С замком не сладит!

А против замка гавань, купеческая гавань –

Терем царевны морской
В роще зеленой, прохладной.

Из чужих земель являлись покупщики рыбы; на берегу начали строиться лавки и дома с окнами, затянутыми пузырем вместо стекла – стекло было дорого. Вот уж выстроился и склад для товаров, большое здание с кровлей «щипцом», а близ него подъемный ворот. Видишь, по лавкам сидят старые приказчики? Они не смеют жениться! Торгуют же они инбирем и перцем – вот тебе и «перечные молодцы!».

Северо-восточный ветер проносится над улицами и переулками, поднимает пыль, срывает соломенные крыши. По улицам расхаживают коровы и поросята.

«Разрушу, уничтожу! – ревет ветер. – Буду свистать вокруг домов и Акселева дома! Я не ошибся! Люди уже зовут этот дом Замком пыток на Воровском острове!»

И крестный показал мне картинку, которую сам нарисовал. Замок был обнесен высокой стеной, а та частоколом, и на каждом коле скалила зубы голова казненного пирата.

– Все это так и было на самом деле! – сказал крестный. – И об этом стоит знать да поразмыслить!

Сидит раз епископ Абсалон в купальне и слышит сквозь тонкую перегородку, что в гавань вошел воровской корабль. Живо выскочил он из купальни, кинулся в свою лодку, затрубил в рог... Люди сбежались, вслед разбойникам полетели стрелы... Те гребли изо всех сил, стрелы впивались им в руки, но вынимать их было некогда. Епископ Абсалон переловил всех, со всех велел снять головы и воткнуть их на колья вокруг замка. Северо-восточный ветер надул щеки и продолжал реветь: «Тут я растянусь на отдых, буду любоваться на это зрелище!» Но отдыхал-то он часы, ревел же по суткам, и – годы шли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.